

Загадочная "Мельничиха"

Спектакль Кристофа Марталера стал кульминацией Чеховского фестиваля

В насыщенной разнообразными событиями программе Чеховского фестиваля "Прекрасная мельничиха" привлекала внимание своей загадочностью. В афише значилось: по мотивам Франца Шуберта, режиссер — Кристоф Марталер. Театральная общественность, отталкиваясь от имени режиссера, решила, что это спектакль драматический, тогда как люди, сведущие в музыке, задавались вопросом, не закралась ли в афишу ошибка и не имеется ли на самом деле в виду одноименная опера Дж. Паизиелло, поскольку у Шуберта есть только вокальный цикл под этим названием. Те же, кто точно знал, что речь идет именно об этом цикле, в свою очередь гадали, будет ли он звучать в записи или живьем и станет ли Марталер инсценировать сами сюжеты шубертовских песен. Однако того, что на самом деле показал нам Театр "Шаушпильхаус" из Цюриха (самовольно перенесенного составителя-

ми фестивальных афиш из Швейцарии в Германию), похоже, не ожидал никто.

"Прекрасная мельничиха" Марталера — это менее всего омузыкаленный драматический театр. Музыка Шуберта здесь не сопровождает действие, но организует и направляет, в значительной мере определяя и форму, и содержание. Никаких фонограмм нет в помине: музыка исполняется вживую. Среди двенадцати артистов — четыре музыканта (два певца и два пианиста), но подобно тому, как они являются полноправными участниками сценического действия, остальные на равных с ними исполняют многоголосные вокальные ансамбли на зависть иным профессионалам. Это, конечно, не опера — хотя многие ансамблевые сцены сделаны совсем по-оперному. И не балет — хотя иные пластические этюды имеют, кажется, самое прямое отношение к contemporary dance. Но то, что пред-

стает перед нами, — безусловно, театр музыкальный.

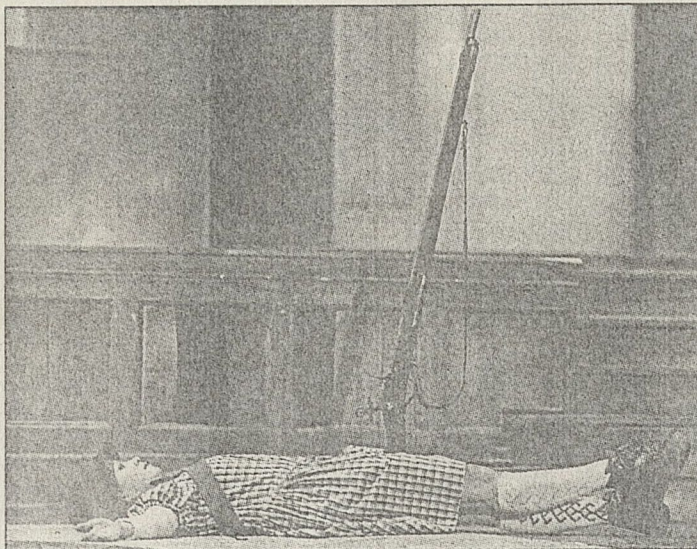
Марталер ничего не инсценирует. Его не слишком интересуют сюжеты шубертовских песен, хотя тексты их порой обыгрываются. Сюжет как таковой вообще в спектакле отсутствует. Нет в нем и главных героев, вернее, все главные. Персонажи, которые часто присутствуют в спектаклях Марталера как бы вне основного действия, не предусмотренные автором пьесы или оперы, бессловесные, эти всякого рода "странные люди", становятся в "Прекрасной мельничихе" протагонистами. Действие происходит не то в психушке, не то в ночлежке для бомжей (постоянный сценарист Марталера Анна Фиброк в присущей ей манере встраивает в это мрачное, находящееся словно бы под землей пространство две вполне уютные "бюргерские" комнаты). Такого рода фактура, будь то в театре, на экране или на книжных страницах, как правило, оставляет впечатление гнетущее. В "Мельничихе" все не так. Подобно Федерико Феллини, Марталер поэтизирует этих, казалось бы, столь мало привлекательных субъектов, способных, однако, свое бытие превращать в праздник. Но в отличие от фильмов великого неореалиста в спектакле Марталера у них нет никакой биографии, никакого прошлого, они существуют только здесь и сейчас. Персонажи постоянно совершают некие эксцентричные, рационально необъяснимые действия. Они забираются под рояль, перемещаясь вместе с ним по сцене, сцепившись пальцами рук и ног, кубарем скатываются вниз по лестнице, а затем точно так же взбираются обратно, то и дело падают с подоконника, не получая при этом никаких телесных повреждений, устраивают кучу-малу на большой двуспальной кровати, куда однажды забираются все одновременно, наконец, появляются один за другим из боковой дверцы в чем мать

родила (только мужчины!), прикрывая ботинками причинные места. И все это — перед пением, после пения, нередко даже одновременно с ним. Именно пение, музыка, хоть и погруженные подчас в почти что пародийный контекст, сообщают этому сценическому дивертисменту, нередко принимающему откровенно цирковой характер, иное измерение. Нелепое вдруг становится трогательным, а смешное — грустным.

Кто-то из музыкальных пуристов может счесть такое вот использование Шуберта едва ли не профанацией (тем более что его вокальный цикл не всегда звучит так, как у автора, многие песни аранжированы для нескольких голосов или превращены в ансамбли, впрочем, предельно тактично, иногда перемежаются сочинениями других композиторов). На самом деле все обстоит как раз наоборот. Музыкант не только по образованию, но и по самой сути своей натуры, Марталер, кажется, задался целью наглядно продемонстрировать великую способность музыки преобразовывать любую действительность, наделять смыслом даже явную бессмыслицу и, как в данном случае, обходиться вовсе без сюжета.

Правда, достаточно разношерстная публика состояла далеко не только из чутких к музыке людей, на которых рассчитан спектакль. Многие воспринимали зрелище исключительно на уровне отдельных гэгов и, пресытившись оными, покидали зал. Кто-то, напротив, именно теперь открыл для себя творчество гениального композитора-романтика. Возможно, и это тоже входило в задачу, поставленную перед собой и своими артистами Кристофом Марталером, режиссером, владеющим секретом как делать музыку театром.

Дмитрий МОРОЗОВ
Фото Игоря ЗАХАРКИНА
("Газета")

Сцена из спектакля

Марталер Кристоф
режиссер)

Кувшинов 2003-10-16 и 10.18. - с. 7

16.07.03

2091